

Крусс В.И.,
Заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВО
«Тверской государственной университет», доктор юридических наук,
профессор

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

В контексте осмысления текущего геополитического «размежевания» юридическая наука оказалась в тени своих «соратников» по социально-гуманитарному цеху. Среди модераторов дискуссии о сути происходящего, безоговорочным приоритетом пользуются политологи. Экспертную онлайн и офлайн трибуну делят с ними социологи, экономисты, международники; реже – философы и культурологи. Процент же агонистического участия ученых-юристов представляется минимальным, что не только не беспокоит аудиторию, но – приходится предположить – воспринимается самими правоведами как «заслуженное».

В самом деле, что могут добавить профессионалы, еще вчера утверждавшие достоверность верховенства права и транснациональную императивность его общепризнанных принципов и норм, в многоголосицу мнений о «влекущем нас роке событий»? Прибегнут ли они к апробированной дидактике или, например, сошлутся на пагубную кривизну исторической флуктуации, расслоившей миры социального и юридического, права и факта, – такие риторика и «схоластика» будут несвоевременными. Акцент на научное допущение о праве суверена («конституционного законодателя») восстановить статус-кво, когда правопорядок распадается на два элемента – право и собственно порядок¹, несостоятелен в виду реактивной дискредитации и права, и суверена фактом пришествия «новой нормальности». Востребованными останутся суждения о центрах силы и генерируемых ими «общеобязательных» правилах; об иерархиях интересов и блоковой стратегии тактических компромиссов; о дихотомии

---

¹ См.: Шмитт К. Политическая телеология. М. 2000. С. 16 – 18.

суверенного/вассального самоопределения наций в зависимости от наличия ресурсов (природных и военно-технических).

Чем же тогда – на фоне примата политической целесообразности и экономического прагматизма – довольствоваться юридической науке? «Благоразумно» согласиться с очередной экспликацией позитивистского принципа: «тень, знай своё место»? Принципа незамысловатого, но сохраняющего возможность участия в формальной юридизации мер социальной консолидации, оперативно внедряемых вопреки канонам юридической техники, а равно и аналитической обработки «непредугаданных» нормативных конструкций мобилизационного законодательства. Или, например, адаптируя свои прескриптивно-догматические пристрастия, пожертвовать – ради «неоспоримой триумфальной победы экономического и политического либерализма»¹ – категорией ценности, исключив ее из теоретико-правового дискурса по причине функциональной «неюридичности»²? И продолжать говорить о ценности стабильности в праве, безотносительно к сущности последнего³.

Обозначенные направления реакции на происходящее видятся нам неприемлемыми и не соответствующими с претензиями на научность. В частности, потому, что проекция методологии «дисквалификации» (отмены) на юридические ценности ведет к гипертрофии юридически значимых интересов, в избирательном восприятии которых объективно-сущностная составляющая права может «благополучно» потеряться, поскольку именно подобная операция намечает переход от принципа верховенства права к постмодернистской технологии подчинения правилам⁴. Впрочем, здесь нами не ставится задача диагностики перерастания онтологического кризиса

---

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135 – 136.

² См.: Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 27 – 28.

³ См.: Милинчук Д.С. Стабильность правовых явлений в контексте правовых ценностей: понятие, признаки, способы достижения // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 15 – 19.

⁴ См.: Крусс В.И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35.

права¹ в его фактическую деактуализацию. Мы хотим обозначить тот вектор юридизации ответа на текущие вызовы, который определяет надежда на сохранение национальных правовых систем в «расплывчатой» перспективе грядущего миропорядка. Точнее, нас интересует Россия: ее способность преодолеть глобальные вызовы, кардинально меняясь, но продолжая утверждать достоверность идеала верховенства права как актуально-конституционного целеполагания должного. Методологическую основу для прояснения искомого вектора может предложить теория конституционализации права², развиваемая под знаком целеполагания национальной конституционной идентичности.

Концепт конституционализации права и правовых систем предполагает генетически уникальную целостность и, соответственно, идентичность последних. К сожалению, его научная популяризация сопровождалась появлением версий транснациональной и международной конституционализации³. Столь же парадоксально проявляется и реакция на подобные допущения. Конституционализацию отождествляют с «экспансией» конвенционного (наднационального) права в правовые системы стран Евросоюза, отрекшихся от суверенитета, и, «справедливо» характеризуют как угрозу для национальной конституционной идентичности⁴. России, как известно, подобная «унифицирующая стерилизация» *уже* не грозит. Причем, именно благодаря конституционализации правового механизма разрешения фундаментальных коллизий⁵. Однако дело даже не в этом.

---

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА*М–Норма, 1998. С. 48 и др.

² См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 240 с.

³ См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИГП РАН, 2017. С. 16 – 17, 28 – 29 и др.

⁴ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика: Монография / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2021. 400 с. С. 86 – 96.

⁵ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2016. С. 44 – 48 и др.

Ущербной видится сама гипотеза комплементарной антонимии конституционной идентичности и конституционализации, соотносящихся как цель и средство. Причем, одновременно, синтетическое двуединство названных категорий утверждается – сквозь призму текста национальной Конституции – как воплощение сущего и должного. Воплощение уникальное и исчерпывающее; определяющее один из модусов конституционного правопонимания. Позволяющее высказываться о *легитимном* сценарии модернизации, *исключая* «многоуровневый конституционализм», «наднациональный уровень публичной власти и правового регулирования» на основе «размытого понятия конституционности», отказ от признания национальной Конституции «единственным эталоном» такого понятия¹.

Конституционная идентичность, разумеется, должна пониматься и как актуально сущая ценность свободно (суверенно) самоопределяющегося в политическом и правовом контексте народа. Не обладая такой ценностью, он не мог бы знать и «видеть» ее как цель, дискурсивно конкретизируя задачи сбережения и «культивирования». Коллективная народная личность не могла бы быть заинтересована в таком целеполагании, а значит – и творить свою историю («жить»), оставаясь (пребывая) в свойственной смерти статической исчерпанности. Будучи онтологически укорененной в тексте «живой» конституции, национальная идентичность «знает» себя, «помнит» себя и императивно предполагает своё развитие, продолжение. В этом смысле ее можно полагать и доктриной: открыто адогматичной, «настроенной» на верификацию сопутствующих спекулятивных гипотез и учитывающей полифонию народных (демократических) ожиданий и потребностей.

Общественно-политическая модернизация в целеполагании конституционной идентичности «своевременна» еще и потому, что конституционализация противостоит тренду глобализации. Данное утверждение требует разъяснения, поскольку даже видные

---

¹ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика. С. 48 – 50; 66 – 67.

конституционалисты признавали до последнего времени юридическую модальность глобализации. Противостояние, о котором мы говорим, не носит имманентно-конфронтационного характера. Оно потенциально воплощает всё ту же дихотомию коллизии единства и оппозиции сущего и должного в конституционных элементах и смыслах. И как таковое актуализируется в «предсказанном» конституционной доктриной глобальном конфликте. Наглядным предвидением могут быть названы, например, суждения о сложных взаимосвязях между конституционными ценностями прав и свобод человека, с одной стороны, и безопасности – с другой; о «глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права – самоопределения народов и территориальной целостности государств»¹. Текущий конфликт был *возможен* и трагически воплотился в реальности через «отрицание» должного, вследствие консолидированного отказа Запада от признания за Россией права на конституционную идентичность.

Разумеется, наука права, не должна ограничиваться общими обоснованиями актуализации конституционной идентичности. В практико-ориентированном отношении ее соучастие в легитимной национальной модернизации может принимать разнообразные формы. Стратегия и конкретные усилия публичной власти по укреплению безопасности, обороноспособности, духовно-культурного и социально-экономического иммунитета страны будут находить воплощение в нормативных актах разной направленности и степени встречного («нейтрализующего») напряжения по отношению к внешним вызовам неправомерного и противоправного. Многие из таких актов имеют эволюционную предысторию. Например, узко-предметная, казалось бы, инновация единого налогового платежа² выражает интенцию качественного умаления бюрократических тягот фискально-

---

¹ См.: Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 258 – 259.

² См.: Федеральный закон от 29.11.2021 № 379-ФЗ // СПС КонсультантПлюс; Законопроект № 46702-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8> Дата посещения 29.04.2022.

экономического администрирования, позволяя хозяйствующим субъектам значительно снизить непроизводственные издержки и, соответственно, повысить общую рентабельность «народно-хозяйственного комплекса». В решении этом нет ничего, что входило бы в существенное противоречие с доктринально-нормативными конструкциями конституционной налоговой обязанности или форматом конституционной дискреции законодателя.

Другой уровень – решения о «параллельном импорте», протекционистских налоговых и трудовых режимах для IT-специалистов или «сенсационное» переформатирование порядка расчетов по экспортным природно-ресурсным контрактам и т.п. Здесь Россия вынужденно идет по пути асимметричного отказа от канонов и аксиом, выработанных в Западной традиции права и получивших национально-конституционную «сертификацию». Очевидно, что легитимация подобных новаций требует углубленного доктринального анализа. Предварительно обоснованным (состоятельным) видится, в частности, алгоритм перманентной конституционной актуализации принципа правомерности действий в состояниях необходимой обороны и крайней необходимости. Учитывая профильные отраслевые наработки и пользуясь конституционной аналогией, законодатель вправе рассчитывать при этом на такую поддержку ученых-специалистов, которая будет воплощать логику и онтологию конституционного правопонимания, а значит и актуального выдвижения любви к Родине на первый план в иерархии конституционных ценностей. Вместе с тем, сохраняя конституционную идентичность, Россия не должна переходить внутринациональные «красные линии», вводить такие «новые стандарты» конституционности, которые умаляли бы ее приверженность принципу верховенства права, включающего неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина.